

В. И. АДРИАНОВА-ПЕФЕТЦ

Из сатирической литературы XVIII в. Сатира на Феодосия Яновского

Среди людей петровской эпохи, быстро выдвинувшихся, а затем еще быстрее исчезнувших с политического горизонта, видное место принадлежит первому вице-президенту вновь учрежденного Синода, новгородскому архиешкопу и архимандриту Александро-Невской лавры Феодосию Яновскому.¹ Родом из польской шляхты (отчего, вероятно, Сильвестр Холмский в своем показании против него называет его Францышком), он, будучи хутыньским архимандритом, еще в 1704 г. обратил на себя внимание Петра, и с тех пор начинается его быстрое возвышение. В 1707 г. он исполняет поручения Петра по устройству церквей и духовенства во вновь завоеванных у шведов городах, а в 1712 г. — он первый архимандрит вновь учрежденного Александро-Невского монастыря. С тех пор его отношения с Петром крепнут. Феодосий назначается администратором духовных дел, ближайшим исполнителем распоряжений Петра по церковному управлению. С этих же пор быстро растет число его врагов, которых Феодосий, человек заносчивый и неуживчивый, наживал себе в самых разнообразных слоях общества, начиная с приближенных царевича Алексея и кончая своими ближайшими сослуживцами. В 1721 г. Феодосий, сознавая сам, что он окружен врагами, просит Петра отпустить его на покой, но вместо того получает новое повышение: он — новгородский архиешкоп и первый синодский вице-президент.

Двигаясь по служебной лестнице все выше, Феодосий увеличивал и число врагов своих, так как перестал стесняться и выражал свое неудовольствие даже на распоряжения Петра, а после его смерти — Екатерины. К тому же рядом с ним выдвигался молодой и талантливый любимец Петра — Феофан Прокопович. Не останавливавшийся в свое время перед доносом, чтобы отстранить неудобных ему людей, Феодосий и сам пал в скором времени жертвой таких же доносов. Чтобы свергнуть Феодосия с его прочной, казалось, позиции, достаточно было умело использовать некоторые его неосторожные выражения: так создалось дело «о непристойных словах, которые от него происходили про императорское величество

¹ О Феодосии Яновском см. Г. В. Есипов, «Чернец Федос», Отеч. Зап., 1862, июнь, стр. 478—537; Русский Архив, 1864, стр. 121—172, где по рукоп. Чертковской библиотеки издано «подлинное дело Новгородского архиешкопа Феодосия»; И. Чистович, «Феофан Прокопович и его время», СПб., 1868, гл. VI и X.

и про ея величество государыню императрицу». Феодосий давно уже обратил на себя внимание неподходящим для духовного лица роскошным образом жизни, своим сребролюбием, но не это было поставлено ему в главную вину. Как видно из целого ряда показаний, полученных следственной комиссией от свидетелей — духовных и светских, Феодосий не только громко осуждал некоторые мероприятия Петра (когда они касались материального благополучия монастырей и духовенства вообще), но особенно после его смерти стал обнаруживать строптивость и неповиновение некоторым распоряжениям, исходившим от Екатерины. Этим он дал против себя оружие в руки своих конкурентов, и члены Синода, во главе с Феофаном Прокоповичем, расправились с ним до конца. Принципиальности искать в деле против Феодосия излишне: с одной стороны, здесь было желание удалить сильного и властного соперника, с другой — стремление свести счеты за старые обиды (см. показания Сильвестра Холмского).

В итоге следствия Феодосию был предъявлен ряд пунктов. Кое в чем он сознался, добавив, впрочем, что «говорил от глупой ревности, чаял, что к добру, а не от злобы или к замыслам каким злым». От большинства обвинений он отговорился: «говорил ли или нет, под судом божием истинно не помню». Тем не менее Феодосий непривычно для него смиренно закончил свое ответное показание так: «И хотя б на вышенисаные пункты никакого болши доказательства не было, однако пред ея величеством согрепившему и то довольно есть на осуждение: того ради, припадая к стопам ея величества, милостивейшего просит помилования и пощадения». Ни того, ни другого не последовало. 11 мая 1725 г. был объявлен указ императрицы: «Феодосия за учиненныя в церкви божией противности и непристойные слова, вместо заслуженной смертной казни, от синодского правления, новгородской епархии и архимандрии монастыря александро-невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в корельский, который на устье реки Двины, и содержать его там неисходно». 21 июня Феодосий был водворен в одной из подцерковных светлиц Никольского корельского монастыря. Но и этого показалось мало его врагам: 17 октября 1725 г. приехал из Петербурга граф Мусин-Пушкин, в его присутствии холмогорский архиерей снял с Феодосия архиерейский и иерейский сан, и простой чернец Федос был запечатан «в тюрьму каменную, неисходную», где сняли даже, как излишнюю роскошь, деревянный пол. После тщательного обыска тюрьму запечатали. До января 1726 г. Феодосий жил в этой темной и холодной келье. Когда вспомнили о нем и приказали улучшить его содержание, было уже поздно: переведенный в лучшее помещение, Феодосий умер 3 февраля 1726 г.

Следственное дело сохранило нам показания против Феодосия, его ответы, но, конечно, истинные причины всего этого «дела» — борьба честолюбий, борьба за власть — в нем скрыты. Только в одном показании отчетливо видны и личные мотивы, диктовавшие показания.¹

¹ Это «объявление» без указания имени автора впервые издано при статье Г. В. Есипова «Чернец Федос», Отеч. Зап., 1862, июнь, стр. 535—537, и вторично — уже с именем Сильвестра, архиеп. казанского, в книге И. Чистовича, «Феофан Прокопович и его время», 1868, стр. 705—709, по рукописи архива Синода № 292, 1731 г.

Как будто незаконченное в рукописи 1731 г., не подписанное именем Сильвестра казанского, это «объявление», несомненно, принадлежит ему. Биографические данные, которые Сильвестр сообщает в нем, вполне совпадают с тем, что мы знаем о прохождении им службы. «Как я послан был из Нижнего в Смоленск», — пишет Сильвестр, рассказывая, что на пути в Смоленск он заезжал в Петербург, где дал богатые подарки Феодосию: это было в марте 1719 г., когда Сильвестр из Нижнего Новгорода был переведен в митрополиты смоленские и дорогобужские. Затем идет подробный рассказ о том, как обидел Сильвестра Феодосий при назначении его рязанским митрополитом. По «высокой милости» Петра после смерти Стефана Яворского Сильвестр был из Твери переведен в Рязань митрополитом (3 февраля 1723 г.), но, по проискам Феодосия, оказался там только епископом: в Синоде ему сказали: «пожалован де ты в рязанскую епархию, и ты, будучи тамо митрополитом, во время церковных служб бога молить за себя не вели, а пишися епископом». «Какое приятно будет, — восклицает огорченный Сильвестр, — как пожалуют кого из генералов в полковники, а в духовном чине из попов в диаконы, а из офицера в солдаты».¹

В отличие от других свидетелей, которые согласно и даже в сходных выражениях, старались доказать главную, с их точки зрения, вину Феодосия — его «непристойные слова» против Петра и Екатерины, — Сильвестр именно об этом совершенно умалчивает. В самом конце своего «объявления» он общими словами указывает на «различные хулы», которыми «поносительно и ругательно» Феодосий бранил «святейших иерархов» — патриархов и митрополита новгородского Иова. Но ни слова — об оскорблениях царских особ. Зато, не в пример прочим свидетелям, Сильвестр подробно излагает все, что ему известно о «сребролюбии» Феодосия, о его роскошной жизни и о том, что он «дненощно вымышлял, как бы брату своему пакость сотворити, а иногда иский, кого бы и поглотити».

Этим повышенным интересом к меропрятиям, с помощью которых Феодосий обогащался, «объявление» Сильвестра Холмского сближается с вновь найденной сатирой-виршами на Феодосия, написанными, видимо, по свежим следам суда над ним, так как в них речь идет о Феодосии, как еще живом, и даже, возможно, не расстриженном, — глухо сказано лишь, что он «от монастыря и епархии отрешен». Таким образом вирши могли быть составлены между 11 мая и 17 октября 1725 г.

Текст сатиры на Феодосия Яновского читается в сборнике первой половины XVIII в. библиотеки б. Общества истории и древностей российских, № 213, на лл. 322—325.

ГИСТОРИЯ

Объявление пунктов.

1.

Ижеи архиенископ именем Феодос

Иривел себя в 725-м году в ташкой донос.

¹ Сведения о служебных перемещениях Сильвестра см. П. Строев, «Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви», СПб., 1877, стр. 289, 416, 444, 592.

2.

О чем же себя публикацією привел в винность,
Которая пришла во всенародную дивность,

3.

О непорядочных ево житейских делах,
О недостаточных безумных своих бедах,

4.

Таковы имел у себя удобы:
Наполнен был всякие пакости и злобы,

5.

О чем ниже сего в сеи гистории обявляю,
А по делам-же его любезных читателей удивляю.

6.

Имел он гордость, лесть, зависть, лихоимство,
Сребролюбие отчасти и лукавство,

7.

А гордость же паче меры богу есть противна,
Которая в сем народе есть дивна.

8.

Сей бо горды малародны человек
Лстивостию намерен во власть себя привлечь.

9.

Однако ж помешателство ево лстивое познали
И вместо смерти ссылкойю честь воздали.

10.

Таковым бо лестью в чести содержался,
А в сотворении злобы весма не ужасался.

11.

Не токмо протчими делами,
Но имел веселие снятием колоколами.

12.

Обаче образы в забвении не покидал,
Оклады и висящее прочь отдирал.

13.

Вси бо завистию яко к себе прибирал,
Образы и иконы пилою растирал.

14.

Древнюю ризницу и амофоры и сакосы златые,
Сребро и камене драгие

15.

Все в продаже расточал,
А за то деньги себе получал.

16.

На собранные вещи виписал из за моря купил сервис,
За когори в России немного и сам не повис.

17.

Драгих же многих вещей у себя утаиша,
От которых иные ныне и проч ево отдалиша.

18.

Никому мог задружить.
Ибо тщался все разрушить.

19.

Но имел в своем сердце внятность,
Которую признавал себе в приятность.

20.

Християн российских идолопоклонниками называл,
Много весма яко сон сам себя не знал.

21.

Дерзновенная совесть в помешательство отдала,
Заключением, скорбию в тягость привела.

22.

Принудила ево жизнь от добра отводить,
Злую имел мысль более сребра уловити.

23.

Таковы злыи умысел имел,
На сие поползновение пусть себе смел.

24.

Ныне возымел он покаяние,
Егда получил себе тяжкое истязание,

25.

Сам себя негодным и винным признал,
И под всяким пунктом вину свою подписал.

26.

За что от монастыря и епархии отрешен,
И для поминовения несмертно вершен.

27.

Но отослан в далной монастырь в Корелск, что на Двины,
За непотребные тяжкие вины.

28.

Тамо такое не может иметь веселие,
За свое безделное рукоделие.

29.

Когда было ему счастливое время,
Тогда ему дало тяжкое бремя.

30.

Ныне никаких тягостей не имеет,
Но без повеления никуда итти не смеет.

31.

За которую бывшую сладость
Ныне привлек себя в печальность.

32.

Чего ради сам себя виновным признал
И в жестокую печаль себя вдал.

33.

Когда ему началства
Тогда не имел ни о чем печалства.

34.

От самого начала
Власть его скончала.

Любезны читателю, других благ спискателю,
Прочетши вирши мои, отдаю в волю в разсуждение твое.
Хотя по мнению своему найдеш что неисправно,
Покорно прошу принять за потребно.

Ныне он потом в веселии в велицей печали пребываю,
А о себе конца всечасно ожидаю.

Автор этих вирш, несомненно, знает показание Сильвестра и указ императрицы и, очень глухо говоря о других винах Феодосия, подробно, насколько позволяла ему избранная литературная форма, говорит о его «сребролюбии».

Вирши построены в форме «пунктов» — обвинений, пародируя принятую с 1723 г. форму изложения судебного дела. Список XVIII в. не везде исправен, местами дает испорченные чтения. Вирши для того времени не слишком искусные, неравносложные, но зато автор их хорошо осведомлен: общая репутация Феодосия правильно передана стихами: «Имел он гордость, лесть, зависть, лихоимство, Сребролюбие отчасти и лукавство». Карьеру этого «малородного человека» автор объясняет его «лживостью» — таково было общее мнение. В полном согласии с царским указом, он пишет: «вместо смерти ссылкой честь воздали. . . от монастыря и епархии отрешен. . . отослан в далной монастырь в Корелск, что на Двины» —

ср. «вместо заслуженной смертной казни, . . . от новгородской епархии и архимандрии монастыря александро-невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в корельский, который на устье реки Двины».

В перечне вин Феодосия — ясное совпадение с «объявлением» Сильвестра Холмского. Вот как описано в виршах усердие Феодосия в собирании богатств:

«Имел веселие снятием колоколами.
 Обаче образы в забвении не покидал,
 Оклады и висящее прочь отдирал,
 Все бо завистию яко к себе прибирал,
 Образы и иконы пилою растирал,
 Древнюю ризницу и амофоры и сакосы златые
 Сребро и камене драгие
 Все в продаже расточал,
 А за то деньги себе получал.
 На собранные вещи выписал из за моря купил сервис
 За которой в России немного и сам не повис.
 Драгих же многих вещей у себя утаиша
 От которых иные ныне и проч ево отдалиша».

Гораздо более подробно все действия описаны Сильвестром Холмским: «Да он же, Францышка, на московском подворье велел послушнику своему Тарасу с колокольной старинные колокола продать, чтоб не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать. . . да он же, яко сущий бесноватый, будучи в Москве в 723 году, на память великого святителя Алексея митрополита, в чудов монастырь во время литургии в алтаре кричал бешеным своим гласом: Ризничей, чудовский, принеси ко мне Алексея чудотворца образ, который носят в крестном хождении. И паки он же кричал нелепым гласом: Ризничей, подай нож. И взяв нож, святителя помянутый образ положи на лавку, с гневом говорил хульные слова: Некто де безумный золотой сей оклад приложил. И резал проволоку, едва смог, однако развращенный он желаемое получил, золотую пату оторвал чеканной работы и положил себе в карман нагло при всех. . . Он же распечатав патриаршу ризницу, разобрал всякую святейших патриархов рухлядь, похитил себе лучшие портищи, рясы теплые, мехи старинные. . . много вещей исхитил». «Также они вымыслили после умерших архиереев келейную всякую рухлядь к себе забирать, подобно с лучших и знатных архимандритов к себе обирать же, и лучшие вещи и оставшие деньги делят по себе. . .» (Есипов, назв. соч., стр. 535).¹ Однако среди других способов

¹ В рукописи, принадлежащей Никите Ивановичу Кашину, который служил при Петре солдатом и умер в сержантском чине, записан следующий случай, подтверждающий жадность Феодосия: «На Питербургском острове церковь деревянная во имя пресв. богородицы казанския и образ богоматерин украшен. И весма полюбился оклад бывшему тогда архимандриту Невского монастыря Феодосию, потом был архиепископ новгородской; приехав в церковь Казанские для осмотру порядка церковного, при том выговорил, что образ богородицы ниско в каностасе стоит, всякие люди к нему прикасаются; велел ее взять и отвести в Невской монастырь»;

обогащения, которые перечисляет Сильвестр, ничего не находим у него о выемке драгоценных камней и серебра из архиерейских одеяний. Но Есипов, излагая по архивному делу 1731 г. обвинения, предъявленные Феодосию, говорит между прочим и об этом: «из старинных архиерейских шапок, амофоров выбирал жемчуг и камни а из саккосов древних и риз золотых и серебряных выжигал серебро; распродал все это и выписал „из за моря“ для себя серебряный сервиз; едучи из Москвы в С-Петербург в никольском монастыре, что на столпе, „распиловал“ образ Николая чудотворца» (стр. 507). Из чьих показаний взяты эти данные, неизвестно, но среди них интересна деталь — выписанный «из за моря» сервиз, т. е. то же самое, что буквально повторяет и автор вирш. Надо думать, что такая близость содержания вирш и судебных показаний не случайна: автор их, довольно неискусный стихотворец, и по своему общему отношению к Феодосию, и по основательному знакомству с его «делом» несомненно включается в тот довольно разнообразный круг лиц, которые были втянуты в следствие. Там были и высокие духовные особы, для которых Феодосий был опасным конкурентом и которые потому старались изобразить его государственным преступником, порицавшим действия верховной власти, были и люди, лично обиженные Феодосием, как Сильвестр Холмский, были, наконец, и светские лица — Тайная канцелярия и Сенат также были подовольны строптивостью Феодосия и показывали против него. Следствие велось совместно властями духовными и светскими, и где-то в этой атмосфере возникли, конечно, и наши вирши. Автор их не вдается в высокую политику, но с развязностью скорее светского, чем духовного лица, пишет, как Феодосий за выписанный «из за моря сервиз едва сам не повис». Ему интереснее эта подробность, чем та борьба за власть, которая кипела вокруг вице-президента Синода и которая в конечном итоге была главной действующей пружиной во всем этом громком деле. Поэтому из всех «непристойных слов» Феодосия он вспомнил только одно — «христиан российских идолопоклонниками называл» — так показывал против Феодосия один из лютейших врагов его Феофилакт Лопатинский «всякаго чина людей от мала даже до великаго без всякаго выключения нарицал безумными, нехристианами, горшими турков и всяких варваров, афеистами, идолопоклонниками российский народ» (Русск. Арх., 1864, июнь, стр. 135—136). Впрочем, Иван Болтин, которому предъявили это показание Феофилакta, написал под ним «того он Иван не слыхал» (там же, стр. 159). Для автора вирш это обвинение, касавшееся оскорбления вообще всего русского народа, еще представляло какой-то интерес, но вся остальная полемика в показаниях по поводу вопросов церковного управления не остановила на себе его внимания. Все это заставляет предположить, что автор вряд ли вышел из кругов синодальных, скорее это был кто-то из канцеляристов светского суда, принимавшего участие в разборе дела Феодосия

не по многому времени ризу ободрав, велел поставить в святых воротах того ж монастыря» По приказу Петра образ был возвращен с окладом (Поступки и забавы имп. Петра В. Запись современника. Сообщ. В. В. Майкова. Пам. др. ц., СХ, СПб., 1895, стр. 19)